

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА. ПРОЗА
**АЛЕКСАНДРА
МЕЛИХОВА**

И НЕТ ИМ ВОЗДАЯНИЯ

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛИЛИТ

ИСПЫТАНИЕ ВЕРНОСТИ

СВИДАНИЕ С КВАЗИМОДО

КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ

РОМАН С ПРОСТАТИТОМ

АЛЕКСАНДР
МЕЛИХОВ

ЗАЗЕМЛЕНИЕ

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М47

Оформление серии – *П. Петров*

Мелихов, Александр.
М47   **Заземление** : роман / Александр Мелихов. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 320 с. – (Большая литература. Проза Александра Мелихова).

ISBN 978-5-04-089471-0

Савелий – создатель своей школы в психотерапии: психоэдафоса. Его апостол – З. Фрейд, который считал, что в нашей глубине клубятся только похоть, алчность и злорадия. Его метода – заземление. Его цель – аморальная революция. Человек несчастен лишь потому, что кто-то выдумал для него те идеалы, которым он не может соответствовать. Чем возвышеннее идеал, тем больше он насилует природу, тем больше мук и крови он требует. А самый неземной, самый противоестественный из идеалов – это, конечно же, христианство. Но в жизни Савелия и его семьи происходят события, которые заставляют иначе взглянуть на жизнь. Исчезает тесть – Павел Николаевич Вишневецкий, известный священнослужитель, проповедник. Савелий оказывается под подозрением. И под напором судьбы начинает иначе смотреть на себя, на мир, на свою идею.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089471-0

© Мелихов А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Он стоял перед матерью на коленях, уткнувшись лицом в ее влажный клеенчатый передник, и всхлипывал как маленький, даже во сне понимая, что мамы все равно больше нет и никогда не будет, и, уже проснувшись, осторожно прислушался, не разбудил ли Симу. Он не хотел, чтобы она видела его в минуту постыдной слабости, но от ее мирного мерного посапывания сделалось совсем тоскливо. Если верить Фрейдю, все душевные страдания причиняет зажатая психическая энергия, сплюснутая проклятой моралью, и лучший способ бороться с расслабляющей сентиментальностью — все истолковывать по его заветам. Может, все это и ерунда, но помогает. Расхолаживает. Поэтому он приказал себе, что его лицо, уткнувшееся в материнские колени, символизирует тайное стремление вернуться в матку, а холод клеенки — его одиночество.

Нужно побыстрее привести себя в рабочее состояние, для него, слесаря-ремонтника человеческих душ, собственная душа не потемки, а рабочий инструмент, которым он свинчивает развинченных пациентов. И пускай святой отец нудит, что психотерапия без религии это всадник без головы, — у него есть своя голова. И сейчас он себя воскресит не на третий день, а на третьей минуте.

Первым делом никогда не нужно притворяться, подавленная правда мстит жестоко: висок, переносица

влажны не от пота, хотя в спальне уже с утра духота, но от слез. А значит, он так и не сумел освободиться от пролезшего в каждую щелку лицемерия: он жаждет сочувствия, пользы от которого ноль и которого в реальности и быть не должно. У всех животных выросшие дети уходят из гнезда и забывают папу с мамой, и папа с мамой их тоже забывают, — так и нам нечего пыжиться, воображать, что мы чем-то лучше животных. Смешно сказать — он, будто пятилетний ребенок на папу, обижен на взрослого сына, избравшего для своих метеорологических трудов самый далекий, какой только можно найти на глобусе, клочок суши — остров Кэмпбелл. И пускай там даже летом солнца меньше, чем в Петербурге зимой, пускай одиннадцать месяцев в году сеются и льют дожди, а три месяца подряд еще и свистят ураганные ветры среди полуголых гор, — лучше жить в соседстве с тюленями и пингвинами, чем с отцом.

И это правильно. Эдипов комплекс еще никто не отменял, мало ли что мораль велит чтить отца своего — убить-то отца все равно хочется, жаль, в свое время он не решился себе в этом признаться, вот и Димка бы не решился, и подавленная страсть тоже разъедала бы его психику, особенно в этой проклятой «двушке», — до убийства бы, конечно, не дошло, все они вышколенные рабы лицемерия, но в подавленную ненависть наверняка бы сползли. Или воспарили.

А святому отцу, одному в его хоромах, и дела нет, как теснится и в чем себе отказывает его дочь. И надо почаще напоминать себе, что это тоже естественно: дочь не дочь, сын не сын — инстинкт велит заботиться о детях, пока не поднимутся на ноги или на крыло, а дальше начинаются все те же ханжеские идеалы. Ах, святое материнство! Ах, святое отцовство! Ну а святой отец слишком возвышенная личность, чтобы перед нами что-то изображать. Отец протопоп (отца протоиерея он мысленно называл исключительно протопопом, в этом было больше перца) с самим Господом на дружеской ноге, а потому всегда спокоен и прав.

Он промокнул слезы уголками подушки, осторожно перекатив голову влево-вправо, — тоска заметно отступила под напором раздражения, а он всегда старался вытеснить у пациентов отчаяние гневом: злиться на кого-то глупо, но это лучше, чем полосовать себя ножом. И Симин *папочка* для него всегда был надежной таблеткой, пробуждающей бодрость. Хотя бы в виде злости.

При этом он даже мысленно не мог назвать тестя тестем — уж очень тот со своей донкихотской поджаростью (в отличие от него самого) был далек от изделий из теста. Не откажешь — умеет, умеет быть значительным. В последнее время еще и наддувает драматизму, твердит на всех углах, будто на церковь происходит какой-то всемирный наезд каких-то сатанинских сил. Какой еще наезд, когда клерикалы сами лезут во все щели — в парламент, в школу, в койку, министры и президенты перед ними навывтяжку со свечками стоят, а святому отцу все мало! Ему всегда надо быть каким-то особенным, при совке он, считалось, — как это у них называется, *окофмлял?*.. — диссидентов и евреев, он у них слыл страшно передовым, в брюссельском издательстве «Бог с вами» под псевдонимом пересказывал библейские сказки без чудес: не море расступилось перед евреями, а скорее всего болото, которое не то пересохло, не то отлив угнал воду, а египетские колесницы увязли, и превращение воды в вино надо понимать иносказательно, ибо то, что написано святым духом, может быть и прочитано только святым духом (это в науке опровергнуть значит отвергнуть, а у клериков все опровергнутое немедленно превращается в метафору), и вообще в Писании много мифологических элементов... Это для умников. Но церковь-то советская держалась на деревенских бабках, которые и в хрущевки ухитрились перетащить свои избы с тараканами и домовыми, и уж с бабками он не умничал — лишь бы ходили на молебны да за эти самые, *требы* бабки платили. А в остальном — пускай лечат радику-

лит святой водой, пускай отпечатки богородицы найдут у себя на балконе, а иконы у них через одну плачут и рыдают, пускай молятся, чтобы внуку-студенту дали стипендию... А чуть церковники взяли верх, так тут же все снова не по нем, во всех интервью, во всех выступлениях вещает, что просить у бога денег все равно что просить у царя навоза, что зримые чудеса нужны только маловерам, а для истинно верующего любой цветок или младенец уже сами по себе чудо...

Бог, видите ли, открывается через ощущение упоительного счастья, приятия мира, веры в будущее, — в общем, через все симптомы маниакально-депрессивного психоза в эйфорической фазе. Их же, симптомы, можно вызвать и наркотой, но если батюшку спросить, может ли Господь явиться из шприца, он только усмехнется сочувственно, будто дурачку, да еще и сверху вниз с высоты своей долговязости, он и с коллегами-попами на теледебатах разговаривает чуть ли не сострадательно...

Опять он святее патриарха московского, опять он посланник каких-то светлых сил среди темного царства.

Ладно, про *отца Павла* (какой он, к черту, ему отец — Павел Николаевич Вишневецкий, и хватит с него!) только начни, и сразу закипишь на весь день. Хорошо, правда, что сонное одурение вместе со слезливостью как рукой сняло. Пора было осторожненько выбираться из постели, чтобы не разбудить Симу.

Он осторожно высунул влажную ногу из-под простыни в относительную прохладу и прислушался — Сима продолжала мирно посапывать. Тогда он прислушался к себе и с удовлетворением ощутил, что боль одиночества отпустила. Что значит, честно признал ее причину — инфантильность; досада же на тестя — это была вполне переносимая хроническая хвороба, вроде геморроя. Главная идея психосинтеза, который он проповедовал, — ЗАЗЕМЛЕНИЕ: любым своим чувствам и поступкам нужно искать самые «низкие» при-

чины и приучать себя не стыдиться их. Так что, если искать заземленную причину его раздражения против Симиного папочки, это будет зависть. Да, он завидует его красоте, его уверенности, завидует почтительности, которой тот окружен, и — самая заземленная причина — завидует трехкомнатным апартаментам, в которых небожитель расположился в двух этажах над его головой.

Да, я ему завидую, завидую, завидую — и что? Это естественно, против природы переть не нужно, иначе она отомстит. Все, подъем!

Из-за осточертевших белых ночей, даже в августе не желающих окончательно почернеть, окно было завешено плотной ковровой тканью, и все-таки и халат, и тапочки хорошо различались в полумраке. Медленно-медленно он привел себя в вертикальное положение, ввел ступни в тапочки и потянулся к халату. Халат прямо светился белизной, пробуждая в нем сентиментальное умиление, которое тоже было необходимо заземлить; Фрейд бы сказал, что Симинова помешанность на чистоте указывает на какое-то чувство вины, от которого она пытается символически отмыться, вместо того чтобы взглянуть в глаза какой-то мучительной правде. Заземлиться, примириться с природой. Например, с естественностью комплекса Электры. А что такого, — ну, испытывала, допустим, когда-то влечение к отцу, и что? — но нет, Сима так и не созрела, чтобы признаться в такой естественной вещи, которую ханжеская мораль велит считать чем-то противоестественным. Ему тоже не хочется об этом думать, но думать-то как раз и нужно больше всего о том, о чем думать больше всего не хочется, поэтому он должен приучать себя к мысли, что Сима и сейчас не свободна от влечения к *папочке* и потому-то, бедняжка, и лезет из кожи вон, чтобы только скрыть свое либидо за совершенно ненужным Павлу Николаевичу беспокойством о его здоровье. *(Ба, лезть из кожи вон — не фаллический ли это образ?..)* Это он подумал машинально,

по привычке, медленно-медленно открывая дверь; привычка всюду искать генитальные символы сохранилась в нем с эпохи повального увлечения запретным Фрейдом, теперь же Учитель был нужен ему более в качестве предтечи.)

Напоследок оглянулся на Симу — в полумраке чернел ее полуоткрытый ротик, и в груди заныло от нежности: дитя... Как Димка когда-то...

И тут же досада, что она по десять раз на дню бежит наверх (угораздило же их поселиться в одном подъезде... *Дедушка будет Димку приобщать к культуре...* Наприобщался до архипелага Кэмпбелла...), а стоит *папочке* заночевать у своих бесчисленных почитателей, так она тут же поднимает панику, батюшке приходится отключать телефон во время *треб.* А если потом забудет включить — что тут начинается!.. Хоть бы уж сегодня он вернулся, а то шухер поднимется до небес — как же, папочка два раза подряд дома не ночевал! Хотя, казалось бы, чего переживать, ведь святому отцу наверняка уже зарезервировано место на небесах. Ну, поехал к кому-то в пригород, там попросили остаться с каким-нибудь умирающим, ему их только подавай, в любое время дня и ночи готов бежать по первому звонку... Святой отец при всех своих сединах бодр как борзая, одевается на вызов и уходит в темноту с таким же аппетитом, с каким нормальные люди раздеваются после трудового дня. (*Да, завидую, завидую — и что?* Он брел по коридорчику, стараясь не шаркать тапочками.)

Но все-таки — что же могло помешать Вишневецкому позвонить, где бы он ни находился? Перед нарастающей тревогой привычная неприязнь начинала отступать.

Боже ты мой, которого нету, сколько же невротиков породил проклятый запрет на инцест, на невинные половые контакты между близкими родственниками! Ведь и его собственная неприязнь, а временами и ненависть к святому отцу порождена не только зави-

стью, но и подавляемой ревностью, которая, впрочем, тоже была бы невинной завистью, если бы не сплелась все с теми же проклятыми *идеалами*. Вот если бы у них хватило мужества честно договориться, кто из них и по каким дням спит с Симой, то ненависть сменилась бы обычным раздражением соседей по коммуналке, вынужденных пользоваться общей ванной. Да, это было бы нелегко, у него и сейчас одна лишь мысль вызывает тошнотный спазм, он и сам еще недостаточно заземлился, но он обязан вдалбливать и вдалбливать себе, что эта тошнота не более чем наследие ханжеской морали — главной разрушительницы нашего счастья, главной причины царящей в мире злобы. Когда он еще только начинал психологом при районной поликлинике, с ним работала женщина-рентгенолог, тетка как тетка, у которой муж то приходил, то уходил, зато сыном она ужасно гордилась, с какой-то особенной скромностью умолкала, когда бабы начинали хвататься детьми. А после одного Нового года знакомый судмедэксперт рассказал, что его прямо после праздничной ночи вызвали для осмотра ее тела, и даже его, человека привычного, ошарашили черные отпечатки каблуков на ее проломленной груди, — сынуля потрудился. А внутри обнаружили биологический материал сразу и отца, и сына. Отец решил завершить год примирением с женой, а сын их застукал, выбросил папку за дверь, а с мамочкой обошелся вот таким вот образом...

(Здесь он спустил воду в туалете.)

А все почему? Потому что чувствовал себя чудовищем и в своем «падении» обвинял мать. Правозащитники везде выискивают признаки и призраки тирании, трусливо при этом прислуживая самому страшному тирану — морали. Которая, впрочем, тоже плющит только слабых — да и отец Павел отыгрывается на слабых, вот его, *богоданного сына*, святому отцу ослепить не удалось, хоть он и носит прозвище Савл...

(Осторожно-осторожно он начал прикрывать визгливую дверь в ванной.)

Опять святой отец, этак и правда до вечера не кончишь. *Не кончишь* — не случайная ли и это проговорка: его подсознание чувствует, что пора разрядиться, а то он уже досублимировался до слез во сне. Может, Фрейд и перебрал насчет того, что всякая выпренность рождается из сексуальной неудовлетворенности, но все равно надо поскорее с нею покончить, это самое надежное заземление. Нужно только сначала принять душ, почистить зубы — он, так и быть, готов был снизойти к маниакальной Симиной чистоплотности, да и к другим ее капризам тоже: главное, не приплетать каких-нибудь принципов, все объяснять простейшим образом, ну, например, традиционной завистью к пенису, — в его случае и в самом деле было чему завидовать. Хотя во всей красе его богатыря мешал разглядеть живот, увы, необходимый ему для работы с пациентами: со своей окладистой бородой, в длинной рубахе он походил на попа с советских агитплакатов, что с первого взгляда завоевывало ему уважение. Глупая советская власть этими карикатурами лишь создала почтенный архетип, загнав народу в подсознание: раз кого-то десятками лет пытаются высмеять, значит это чрезвычайно важная птица. (Почему, интересно, важных персон называют именно птицами?.. Фрейд, возможно, решил бы, что они легко взлетают — идеальная эрекция.) У него еще в университете была кличка — в глаза Савик, а за глаза Савл, и что же? Позубоскалили, позубоскалили, а потом начали произносить с уважением. (Что только варилось у отца в подсознании, когда он называл младенца Савелием?.. Да ясно что: раз он сам Савелий, то и сын должен быть Савелием, ведь у отца все всегда было самое правильное, остался бы жив, так и сына постарался бы загнать в прапорщики. Мать, правда, все равно вздыхала насчет нестигаемости «заучившегося» сына: ох, папочка роденький...)

Он тогда по невежеству думал, что приятели его уважают за второй разряд по штанге, повторял за другими дураками, что женщины любят силу, — Учитель еще не успел ему открыть, что девушки ищут не силача, но замену отца, а он в первую внебрачную ночь с Симой посчитал, что весь этот ее лепет — ну, там, зачем, не надо, нам же и так хорошо и тому подобное, — что все это обычное — ну, типа кокетство, и малость приналег, — ну, типа поторопил события: женщины ведь любят силу! И уже все вроде было окей, он ее и поцеловал напоследок, и погладил, и чего-то там нашептал, а особенно стараться было и не нужно, потому что он оказался не первым ее мужчиной, а сам он к тому времени уже начинал двигаться в сторону заземления, старался не усложнять, и начал уже отключаться, как вдруг услышал, что она тоненько-тоненько плачет, почти скулит, тихонечко-тихонечко, он и вообразить не мог бы, что она может так пищать... Что такое, что случилось, испуганно залепетал он из «Мойдодыра», и Сима сдавленно пропищала тоньше мышки: я как будто какой-то предмет...

Его буквально скорчило от жалости и стыда, и он тут же в провисающей общежитской койке начал умолять ее подарить ему руку и сердце, именно в таких напыщенных выражениях, почему-то только этим, ему казалось, он и может смыть свое свинство.

До сих пор от этого незаглушимого писка душа разрывается (никак ему не отвязаться от бессмысленного слова «душа» вместо разумного термина «психика»), а главный виновник всех бед под струями теплой воды прямо-таки обливается слезами жалости и раскаяния. Но разве это справедливо — мудрому Савлу терзаться из-за глупости давно исчезнувшего Савика, о которой и сама пострадавшая давным-давно забыла, к ней уже наутро вернулась манера по любому поводу так радостно прыскать, что ее щеки становились тугими, как яблочки.

А вот ему по-прежнему больно... Но тут надо не сублимировать, а поскорее заземлиться в бесхитроном коитусе, поменьше усложняя. Да вот только с Симой не усложнять никак не получалось, из-за нее он до того досублимировался, что бледная Лика из его школы психосинтеза (Фрейд создал психоанализ, а он психосинтез, не итальянскую мешанину, призванную примирить «высшее» с «низшим», а полный отказ от «высшего») уже несколько недель представляется ему неземным существом, на лекциях в ее присутствии ему приходится делать над собой усилие, чтобы невозмутимо рассуждать о таких базовых понятиях, без которых к заземлению и подступиться невозможно: мастурбация, экскременты, клиторальный и вагинальный оргазм, анальный и фаллический эрос и тому подобные элементарности. Бледная Лика все это выслушивала, не поднимая своих прекрасных карих глаз, и он тоже никогда не смотрел в ее сторону, и все-таки краешком зрения различал, что ее тончайшая бледная кожа, сквозь которую были видны голубые младенческие жилки, слабо розовеет.

Умница, старается, понимает, что люди давно истосковались о мире, не знающем вины и брезгливости, не знающем *греха*, как выражается отец протопоп, — но шагнуть туда очень нелегко: пока у нас сохраняются представления о чем-то неземном, до тех пор мы будем ощущать вину за собственное несовершенство и брезговать друг другом, и даже самими собой (чего безгрешные животные опять-таки никогда не делают). Поэтому одна из первейших задач психосинтеза — неуклонно заземлять все, что претендует быть неземным, забыть о грехе и сделаться безгрешными, как звери. И он, едва закончив вытираться, немедленно приступил к сеансу заземления.

Лика стояла перед ним раздетая и покорная, не поднимая своих темно-янтарных глаз, а он нежно гладил ее по бледным, с голубыми прожилками грудкам с пер-

ламутровыми сосками. Затем он принялся осторожно их целовать, опускаясь все ниже, через впалый животик к каштановому кустику...

Все, пора было поскорее разряжаться, и он, стараясь почти не открывать глаз, чтобы не потерять волшебную картинку, поспешил к Симе. Он знал, что ее обычные бдительные вопросы: «Ты вымылся? Подожди, я зубы почищу», — немедленно прогонят всякую охоту, тем более что ее вечный страх нечистоты говорит лишь о том, что ее подсознание считает секс чем-то нечистым, а сжатые губы — кто знает, возможно, и вовсе служат замещением вагинизма (хотя от нее с утра пахнет маленьким Димкой, которого он так обожал когда-то), — однако Учитель подарил ему и еще один спасительный метод — гипноз, отмытый им от дурацкого *животного магнетизма*.

— Ты позавтракал? — сонно спросила Сима. — Подожди, я тебе оладышки сделаю.

— Потом, — властно ответил он и положил руку на ее лобную кость, как это делал Сам. — Успокойся, расслабься, тебе хочется спать, ты засыпаешь, ты спишь...

Она прекрасно поддавалась гипнозу, и уже через две минуты он, задыхаясь от наслаждения и счастья, снова спешил в ванную. Бледная Лика осталась в спальне, все такая же милая, но, хвала Учителю, уже не божественная, заземление прошло успешно. Хорошая есть на этот счет шутка: я понимаю, почему ты потный, но почему ты счастливый?

А потом не вполне проснувшаяся Сима на солнечной кухне пекла свои оладышки, тоже ничуть не менее милая, хотя и раза в полтора более упитанная. Любопытно, что даже в гипнотическом сне ее горячие щеки всегда оставались тугими, как будто она была готова вот-вот прыснуть. В нежные минуты его *Симкарточка* представлялась ему невыносимо милым и поразительно смышленным зверьком, и он вполне серьезно поражался, до чего она умна: знает, сколько муки и яиц